Отдана чудовищу

Автор:
Катя Лоренц

Отдана чудовищу

Катя Лоренц

– Пап, – красавчик выпускает меня из рук. – Я должен жениться на этой страшиле? Ты только посмотри! Она ж худая как доска, слепая как крот!– Заткнись, Глеб! Будет так, как я сказал! Мне нужен внук. Чистокровный оборотень! Она подходит! И это не обсуждается! – потом обращается ко мне. – Так что, Олеся? Ты согласна? Выйдешь за моего сына? Спасёшь свою землю, своего отца? Не позволишь своим сородичам пресмыкаться передо мной? – я медлю с ответом. Мстислав кивает на папу. – Убей его!– Нет! Я все сделаю. Я выйду за вашего сына.***Приказы отца не обсуждаются. Мне пришлось жениться на страшиле (со слезами на глазах). Тогда еще я не знал, что ради нее, мне придется противостоять самому злу. Моему отцу.Мстислав, мой отец – первый оборотень. Ему более двух тысяч лет. И чтобы поддерживать его жизненные силы, ему нужны такие энергетические батарейки, как Олеся.

Катя Лоренц

Отдана чудовищу

Глава 1

– Я оделась. Можешь смотреть.

Мой друг, Влад, повернулся. Для меня он представлялся безликим пятном. Пока я не надеваю огромные очки.

Вот ведь странность. До первых дней менструации у меня было отличное зрение, а как только мне исполнилось тринадцать, я стала слепее крота. Но в облике волчицы я прежняя, могу рассмотреть пылинку за сотни верст.

Поэтому я и не люблю быть человеком. Могу неделями проводить в шкурке белой волчицы. Не чувствую своего уродства. Нескладная, худая как доска, с белой блестящей кожей и фиолетовыми глазами на пол-лица, с белыми как снег волосами, я далеко не красавица, но Влад смотрит на меня как то странно. Отчего на бледной коже появляется румянец.

Моя подруга Маша, считает что он меня любит. Я ей не верю. Меня невозможно полюбить. Будем честны. Я просто страшненькая. Я уже свыклась, что останусь старой девой. И даже то, что мой отец альфа, меня не спасет.

Деревья редеют. Уже видны крыши наших домов. Мы живём обособленно, в чаще тайги. Люди сюда практически не заходят. Иногда кто-то из наших идёт к ним, чтобы продать шкурки зверей, травы. Дорогие изделия, обработкой которых занимается Влад. Он говорит, что людям нравятся эти красивые камушки и они дорого платят за них. Мне их не понять. Для меня, как и для всех наших ценнее другое. Было бы что поесть, где поспать и что надеть.

Влад подарил мне такое кольцо. Честно говоря, я была больше рада шоколаду, что он привозил из города. Не понимаю, зачем надевать на палец его, оно ощущается чужеродным, сковывает движения. Поэтому ношу его на шее.

Впереди поляна, а дальше начинаются наши дома. Я торможу и прижимаюсь к дереву. Впереди незнакомец.

Я никогда не видела такого красивого мужчину. На нем майка без рукавов, и я могу рассмотреть огромные мышцы, как надувные. Одной рукой он сжал свой кулак, отчего его мышцы заиграли. Я так хочу прикоснуться к нему, что аж пальцы жжет. Хочу проверить, реальный ли он, или это всего лишь плод моего воображения. Его взгляд с ненавистью смотрит куда-то вниз. Опасный. Мужественный. Мое сердце готово выпрыгнуть из груди, а щеки пылают огнем, я ничего не вижу вокруг. Только его.

Прижимаюсь спиной к коре дерева, пытаюсь унять непривычное волнение. Меня бросает то в жар, то в холод и трудно дышать. Приходится напомнить себе кто я. Что такой невероятный красавчик никогда и не посмотрит на меня.

– Олеся! Что происходит? Все наши валяются на земле, не встают. Ты слышишь? Они хотят убить твоего отца! – тряхнув головой, прогоняю странный морок. Смотрю на поляну.

– Отец. Что делать с альфой? – спрашивает красавчик бархатным хрипловатым голосом. По моей коже бегут мурашки, волоски встают дыбом, а сердце замирает. Я заставляю себя сосредоточиться и не смотреть на красавчика. Рядом с ним стоит странный мужчина. С такими же волосами как у меня, собранными в хвост. У него цепкий ледяной взгляд, пронизывающий холодом.

Я замечаю отца, лежащего под ногой красавчика. Моего сильного папочку, которого никто из наших не мог одолеть в бою, победил этот красавчик. Сволочь!

Да как он смеет? Я бегу к нему. Влад кричит: «Стой! Олеся!» Но меня уже не остановить.

– Пап!

Хочу упасть на колени проверить жив ли он, но меня ловят за руки. Два верзилы. С облегчением понимаю, что отец дышит. Папа смотрит на меня, и в его глазах блестят слёзы. Он пытается встать, но красавчик давит ногой вниз, прижимает отца к земле. Оглядываюсь вокруг, хочу попросить помощи у наших. Они стоят на коленях, покорно опустив голову.

– Что здесь происходит? Кто вы такие? – Блондин с хвостиком подходит ко мне, оценивающе смотрит на меня.

– Я, Мстислав. Эта территория принадлежит мне. И эти оборотни, теперь, мои рабы.

– Мы живём здесь столетиями. Эта земля нашей общины! Убирайтесь отсюда! Да отпустите меня! – вырываю руки из плена верзил, и тру плечи. Сволочи! Скорее

всего, появятся синяки.

– На колени! – гремит приказ мужика с хвостиком.

– Ага! Сейчас! Разбежалась! – он смотрит так проникновенно, словно душу выворачивает, ноги слабеют, но я не позволяю себе упасть. Волчица готова покориться, но я против!

– Хм, – дурацкий хвостик потирает подбородок. – Интересно. Ты не подчиняешься. Ты первая на кого не действует мой приказ. Кто ты? – я открываю рот, чтобы послать его, но тут выбегает Влад с криком:

– Олеся! Не смейте её трогать! – он подбегает к нам. Белесый командует: «на колени» и друг покорно опускается.

– Кто ты, Олеся?

– Я дочь альфы! И требую, чтобы вы отпустили моего друга и убрались отсюда.

– Требует она! – иронично говорит главарь. Его шайка ржёт дружным басом.

– Отец. Так что делать? Убить его? – красавчик надавливает ногой, и папа стонет.

– Нет! – я бегу, запрыгиваю на красавчика сверху и калачу руками. Хочу сделать ему больно, но эта груда мышц не пробиваема.

– Отпусти его! Скотина! Чудовище! – он хватает меня за шкирку и вытянув руку держит за как щенка. Я болтаю ногами, руками, пытаюсь попасть по его холеной роже, но быстро сдаюсь. Очки запотели, я выдохлась. Раздавлена, унижена. Не знаю как сражаться с этим беззаконием, как спасти жизнь отца. Дурацкий хвостик, Мстислав, так, кажется, его зовут, подходит ко мне.

– Ты хочешь чтобы отец жил? Чтобы мы оставили вашу общину и ушли?

– Да.

– Тогда у меня к тебе предложение, Олеся. Видишь ли. Это мой сын, Глеб – он кивает на красавчика. – И я давно ищу ему жену. Чистокровную волчицу. Ты подходишь.

– Пап, – красавчик выпускает меня из рук. – Я должен жениться на этой страшиле? Ты только посмотри! Она ж худая как доска, слепая как крот!

– Заткнись, Глеб! Будет так, как я сказал! – Мстислав с гневом смотрит на красавчика. – Мне нужен внук. Чистокровный оборотень! Она подходит! И это не обсуждается! – потом обращается ко мне. – Так что, Олеся? Ты согласна? Выйдешь за моего сына? Спасёшь свою землю, своего отца? Не позволишь своим сородичам пресмыкаться передо мной? – я медлю с ответом. Мужик с дурацким хвостиком кивает на папу. – Убей его.

– Нет! Я все сделаю. Я выйду за вашего сына.

Мстислав довольно ухмыляется, а мой нежданный негаданный жених, сжимает с силой кулаки.

– Раз все разрешилось, позвольте я провожу отца и отпустите людей. – предлагаю я, стараясь не смотреть на злого красавчика.

– Позволяю, – снисходительно разрешает будущий свёкр. Высокомерный самовлюблённый, считающий себя главным. Так хочется послать его, но мое честолюбие будет стоить слишком дорого. Глеб убирает ногу. Я помогаю отцу встать. У него сломана нога, регенерация ещё не прошла.

– Влад, Костя. Помогите. Отнесите его в дом.

Мою спину жжет взгляд Глеба. Я передергиваю плечами, сгоняя неприятные мурашки.

Папу заносят в дом. Здесь, как и во всех других, нет излишек, дорогого интернета. Все по минимуму. Русская печка, моя комната и комната папы. Его укладывают на деревянную кровать, папа стонет.

– Я сейчас! Заварю тебе чай с травками. Это поможет заглушить боль.

– Стой, Фиалка. – папа ловит меня за руку. – Не нужно. Тебе необходимо бежать. Возьмешь под матрасом деньги. Там хватит на первое время.

– Пап ты что? А как же ты? Другие оборотни? Он же убьет тебя.

– За меня не беспокойся. Я прожил долгую жизнь. Главной целью было тебя вырастить. Ты то, что держало меня на Земле, после смерти моей Алёнушки, – он взял с прикроватной тумбочки портрет мамы, провел по снимку пальцем, с нежностью смотрел на нее.

Мамы нет уже десять лет. А отец так и не забыл её, не вступил в новые отношения. Хотя желающих было предостаточно.

– Я не могу, – сглотнула комок слез. Я ведь в тайне мечтала, что однажды, меня кто-нибудь так полюбит, как любил отец. Но пожертвовать им? Как мне потом жить с таким грузом?

– Я всё устрою. Не для такого чудовища растил свою девочку, – продолжает настаивать отец.

– Пап…

– Всё, я сказал! Это приказ, Олеся! – Папа уснул, после выпитого чая.

Я мыла посуду, переживала сегодняшний день снова и снова, когда в дом вбежала раскрасневшаяся Маша. Её пышная грудь часто вздымалась, а глаза лихорадочно блестели.

– Леся! Это правда? Ты выходишь замуж за Глеба? Того приезжего красавца?

– Да.

– Поздравляю! – она обняла меня. – Такого красавчика отхватила!

– Не с чем поздравлять.

– Я не поняла. Ты что не рада?

– Чему радоваться? Я этого не хочу! Он чуть отца моего не убил. Людей на колени поставил. Пришел на нашу землю и ведёт себя здесь как хозяин. Я и согласилась, чтобы папу не трогали. Это было условием Мстислава.

– Чудачка ты! Да я бы все на свете отдала, чтобы такой красавчик на меня посмотрел. А ты женой будешь.

– Не нужна я ему. Ему отец велел. Будь его воля, он бы шею мне свернул как цыпленку.

– Ерунда! Ты бы видела на каких машинах они сюда приехали. А кольца видела какие? Влад такие никогда не делал.

Машка ещё долго трещала о плюсах нежеланного для меня брака. Я пошла в сени, покормить наших кур. Так Машка шла за мной и говорила не умолкая. Какие у него сильные руки, какой зад. А ноги. Я все больше раздражалась.

– Слышь. Страшила, – услышала я бас Глеба, но сделала вид, что не слышу его. – Оглохла что ли? – он открыл калитку, в два шага догнал меня, схватил за руку, развернул к себе лицом.

– Я к тебе обращаюсь. Ты что, к тому же глухая?

– Что надо? – поджала губы. Мало того, что он обзывает меня, так ещё и при Маше. А я итак комплексовала по поводу своей внешности. Он унизил меня, перед подругой.

– Откажись от свадьбы.

– Как? Ты же слышал, что он убьет отца?

– Да перестань ты прикрываться отцом! На тебе даже престарелый слепой не женится. А тут такой вариант нарисовался. И как удачно все складывается!

– Да лучше престарелый слепец, чем такое чудовище как ты! – что я ему сделала? Почему он так жесток со мной? Глаза Глеба зло сверкнули. Он схватил меня за шею и приподнял.

– Откажись.

– Твой отец. Сам его и переубеди.

– Его приказы не обсуждаются.

– Высокие семейные отношения? – ухмыльнулась я. Глеб отшвырнул меня. Падая, перевернула на себя воду для цыплят.

– Сделаю тебе ребенка, так и быть! И больше, чтобы мои глаза тебя не видели! – он ушел, громко хлопнув калиткой.

Так и быть?! Одолжение мне делает? А меня он спросил? Мне это надо? Ребенок должен рождаться в любви, как у моих родителей. А не по приказу.

Вся мокрая грязная, упала на согнутые колени лицом и заревела.

А может и правда сбежать?

– Леся, – ласково приговаривает Маша, поглаживая меня по спине. – Не стоит плакать из-за всяких уродов. Прости, я тебе не поверила. Теперь вижу какой он, – я вытерла слёзы. Совсем забыла про подругу. Допустила, чтобы меня жалели.

Я поднялась. Маша помогала мне отряхнуться.

– Не стоит. Я сейчас переоденусь, – прикусила щеку изнутри, чтобы не давать волю слезам. Так легко плакать, когда тебя утешают. Так же было, когда я тосковала по маме. Чем больше меня жалел папа, тем больше я рыдала. Но с таким хамским отношением к себе, никогда не сталкивалась.

Я знаю, что не красавица, слышала иногда перешептывания наших старых кумушек. Они сетовали на то, что я так и останусь одна. Но в лицо вот так

открыто называть меня «Страшилой», никто не осмелился. Может, потому что боялись отца.

И самое ужасное, что при первом взгляде на Глеба, когда я ещё не знала кто он и зачем пришел, я любовалась им.

– Придурок! – Маша заботливо вытерла слёзы с щек. И поспешно обняла меня. – Ты самая красивая, самая добрая, Лесь, – взяла меня за лицо, заставляя смотреть на нее. – Не слушай никого! – Маша смотрела перед собой, в ее зеленых глазах бушевала жажда мести.

О, нет. Я знаю этот ее взгляд. Так она смотрела, прежде чем пойти ругаться с теми камушками.

– Ну я ему сейчас устрою! – Маша резко развернулась и ушла. Я хотела бежать за ней следом, чтобы предотвратить катастрофу, но меня окликнул отец.

– Олеся! – яростно крикнул он. – Ты меня опоила каким-то сонным зельем? – отец стоял на крыльце, скрестив руки на груди.

– Пап. Тебе нужно было поспать. Регенерация так быстрее пройдет. Прости, мне нужно Машу догнать.

– Нет, – он схватил меня за руку и потащил в дом.

– Да где он? – посматривал в окно.

– О ком ты?

– О Владе.

– У меня созрел план. Я вызвал его по рации, – рации у нас были на случай, если чужаки придут к нам. Видимо, в этот раз не помогло.

В окне мелькнула рыжая шевелюра друга.

– Рассказывай! – приказал отец, как только он зашёл в дом.

– Они поселились в доме на окраине. Его охрана хорошо охраняет периметр. Веселятся с нашими девушками, хлещут настойку Никитичны. На рассвете уезжают. Вместе… – Влад опустил голову, его скулы заострились. – С Олесей.

– Хрена с два им! А не Олеся! Значит план такой. Васька пусть поджигает джип их главного… – отец пощёлкал пальцами в воздухе. – Как его?

– Мстислава? – с ужасом произнесла я.

– Точно! Они все сбегутся на шум. Ты в это время берешь Олесю и убегаете через болота на север. Есть у меня друг. Альфа Майкл. Он как раз вернулся из Америки. Он поможет. Его тоже достал Мстислав. Он давно зовёт меня в сопротивление. Его дочь Лулу открыла такое в Мексике. Теперь собирают оборотней в России. Мстислав творит беззаконие по всему миру. Но я думал наша хата с краю. Что до тайги они не доберутся. Ошибался. Не важно. Влад, ты всё ещё настроен серьезно в отношении Олеси?

– Да. – твердо ответил друг.

– О чем вы? – переводила с одного на другого взгляд. Но они словно не замечали меня.

– Пап! – я топнула ногой и сжала кулаки. Меня достало что все за меня все решают. У них какие-то тайны от меня. Хотя ни один, ни другой никогда ничего не скрывали.

– Леся, – Влад бледнея взял мою руку в свою. – Сегодня, перед нашей прогулкой, я попросил руки у твоего отца. Люблю. Тебя.

– Что? – хотелось прочистить уши, меня просто оглушили его слова. Любит? А Маша говорила, она хорошо разбирается в мужчинах, а я не слушала.

– Я люблю тебя, – повторил он смелее. – Давно. И ни отдам этому качку! – он обнял меня, поцеловал в макушку. Влад был обычного роста, но выше меня на пол головы. Тело жилистое, худое. Но не в этом дело. Я осторожно

отодвинулась, не зная как начать неприятный разговор.

– Влад. Я не могу. Ты для меня друг. Просто друг. И я не люблю тебя. Прости.

– Можно подумать, этого Глеба ты любишь!

– Нет. Ты сам знаешь, почему я согласилась. Я не могу бежать. И рисковать жизнью отца.

– Леся. Так надо. Мы дадим им отпор. Они сейчас напьются и будут слабыми. Спящими их возьмём. Но надо, чтобы ты ушла. Через тебя, они смогут воздействовать на меня.

– Точно тебе ничего не грозит?

– Конечно, Фиалка. Ты же знаешь, твой папа непобедим. Просто они застали меня врасплох, – я сомневалась. А что если я совершаю самую ужасную ошибку?

– Верь мне, Фиалка, – он с горячностью схватил мои руки. – Твоя мама всегда верила, и ты верь. Я справлюсь.

Деревья мелькают передо мной. За моей спиной слышится взрыв. Джипы горят.

Влад отстаёт. В облике волчицы я сильнее, выносливая. Никто меня не догонит, самая верткая в бою, самая зоркая. Настоящая дочь Альфы. Я бегу так быстро, как только могу, чтобы не думать, чтобы не сметь сомневаться. Верить в отца. Чтобы не вернуться назад.

Покидать любимые места, где провела всю свою жизнь – невыносимо тяжело. Словно кусок души вырываешь. Я трясу головой, прогоняя боль. Мы забираемся на самый высокий холм, откуда видны наши дома, чтобы проститься навсегда.

Огненные лучи рассвета лижут покосившиеся крыши домов, ползут дальше. На столбе, по которому Влад залазил на эту масленицу, за коробкой конфет для меня, висит окровавленный отец. Даже через несколько километров вижу, его заплывшее от ударов лицо. Он поднимает голову и смотрит в мою сторону.

– Уходи, – шепчет одними губами.

– Пошли, Олеся, – Влад толкает меня серой мордой в бок.

– Я не могу. Он обещал, что ничего не случится. Только при таком условии я согласилась бежать. А он… Он умрет!

– Он знал, что ничего не получится, но если бы сказал, то ты бы не ушла. Вышла бы за этого качка замуж, и мучилась бы всю жизнь. Идём! Он дал много денег. Мы сможем прожить.

– Он меня обманул!

– Нет! Я не хочу его смерти. Только не папа. Я возвращаюсь.

Обратно я бегу ещё быстрее. Лапы буквально горят, а язык пересох, от того как часто дышу.

– Ну что? – слышу голос Мстислава. Оборачиваюсь в человека, подхватываю черный с капюшоном плащ, надеваю на себя.

– Она не придет. Виталий! Кончай альфу. И жги дома.

– Стойте! Я здесь! – ступаю босыми ногами по мокрой траве, слышу трехэтажный мат Глеба. Похоже он не рад моему возвращению.

Для него женитьба на мне это наказание. Что ж, будущий дорогой муженёк. Жди! Я превращу твою жизнь в ад, так же, как ты превратил мою в пепелище.

Мстислав подходит ко мне, смотрит сверху вниз янтарными глазами с желтыми вкраплениями. От него исходит тяжёлая аура. Он, не касается, но я будто в размере уменьшаюсь. Не могу выдержать. Отворачиваюсь.

– Твое слово ничего не значит, Олеся? Вернулась. Молодец, посмотришь как отец подохнет.

– Пожалуйста. Не нужно! Я прошу. Умоляю! – отца спускают со столба. Один из верзил, хватает его голову. На расстоянии двух метров слышу хруст.

– Нет. Пожалуйста! Остановитесь, – я падаю на колени, не слушая возгласов «Дочка, не унижайся». Вцепляюсь до белых костяшек в штаны Мстислава. Меня трясет от рыданий, а слёзы катятся беспрестанно, перед глазами белое пятно. Наши люди притихли. Никто не рискует противостоять ему и этой шайке отморозков. Помощи ждать не откуда.

Мстислав наклоняется, хватает меня за подбородок.

– Последний шанс, Олеся. Будь послушной, или я вернусь сюда. И не оставлю камня на камне.

– Я буду! Обе-ещаю, – судорожно всхлипываю, чувствую облегчение.

– Собирай вещи. Глеб, – он щелкает пальцами. – Проводи невесту.

Под зорким взглядом Глеба собираю вещи. Сумку с травами, свою одежду-балахоны. Он забирает у меня рюкзак и говорит:

– Зря вернулась. Сама себе подписала приговор.

Я молчу. Сил огрызаться нет, да я и боюсь. Двери черной машины открывает один из бугаев.

– Олеся! – с надрывом кричит отец, шагает ко мне, но дорогу ему преграждают два верзилы.

– Можно попрощаться? – ни на что не рассчитывая, спрашиваю у Мстислава. Он благосклонно кивает. И я бегу к отцу.

– Пап, – вдыхаю такой родной запах, пытаясь запомнить его. Не знаю, сможем ли мы увидеться. Возможно, я в последний раз обнимаю его.

– Фиалка моя. Зачем вернулась, – он гладит меня по спине.

– Леся, – присмиревшая Маша, дёргает меня за рукав и взволнованно кусает губу.

– Возьми меня с собой. Я всегда мечтала жить в цивилизации. Пожалуйста.

– Можно мне забрать с собой подружку?

– Только если прислугой. Согласится она прислуживать тебе?

– Да! – Маша с горячностью отвечает за меня. – Я и вещи собрала, – поправляет рюкзак на плече.

– Хорошо.

Я, вместе с Машей, сажусь на заднее сиденье, Глеб за руль. Повернувшись, провожаю потемневшего отца. Он словно вмиг постарел, выглядит осунувшимся. Провожаю родные места, страшась предстоящей судьбы.

– Не расстраивайся, – Маша обнимает меня. – Всё будет хорошо. Это всего лишь свадьба. От этого не умирают.

– Ты думаешь? – Глеб смотрит в зеркало. – Я бы не был на месте Олеси так самоуверен.

– Это твоя будущая жена! Мать твоего ребенка. Научись её уважать.

– Ты это говорила, когда пришла ко мне вечером.

– Зачем ты напросилась к нам в услужении?

– Я не позволю обижать её.

– Не забывайся! – Глеб не повышает голос, но по моей коже бегут мурашки. Я толкаю Машу в бок, призывая не ссориться. Это ничего не даст.

– Ты едешь к нам в дом в качестве прислуги. Ещё раз услышу такой тон, пойдешь пешком в свою глушь.

Моя боевая подруга тут же присмирела, смущённо опустила взгляд.

– Простите, господин Руд. Я поняла вас, – округлившимися глазами смотрю на подругу. Неужели так хочется в город? Она и раньше мне об этом рассказывала, но чтобы она была такой шелковой ради того, чтобы выбраться из «глуши»!

– Маша, ты чего? – шепчу ей на ухо.

– Не дрейф, подруга. Мы ещё покажем этому качку, где раки зимуют!

Мы подъезжаем к огромному особняку. Глеб нажимает на пульте кнопку. Тяжёлые чугунные ворота открываются. Маша смотрит распахнув рот, её глаза довольно поблескивают.

– Какая красота! – она в восхищении обходит фонтан с фигурой волка, из рта которого льется вода. Внутри дома пол покрыт мраморной плиткой, всё сияет чистотой, холодностью.

– Боже, Олеся! Как же тебе повезло. Я так за тебя рада, – Маша приобнимет меня.

Я не разделяю её восторга. Мои мысли занимает тревога об отце. Как он? Все ли с ним хорошо. И что теперь с ним будет? Его унизили перед всей общиной. Надеюсь, его не выгонят. Но закон то жесток к альфе, который проиграл. Большинство оборотней ценят его, признают главным, но всегда найдется тот, кто захочет его свергнуть, занять его место.

Я неуверенно топчусь на месте. Я здесь не к месту. Как резиновые грязные сапоги посреди роскошного убранства. Вычурный дворец станет моим склепом. Стены давят на меня. Я сутулюсь, снимаю запотевшие очки и вытираю о край одежды.

Дышать становится все сложнее. Когда слуга с вежливым равнодушием просит мое «пальто», вконец тушуюсь и неуклюже снимаю, передаю драповую

короткую куртку.

Мне неуютно, оттягиваю рукава вязаной кофты, скрывая дрожащие, похолодевшие пальцы.

– Константин, – обращается Глеб к выделенному слуге. – Покажи ей, – тыкает в меня пальцем, – хозяйскую комнату на втором этаже. – смотрит мне в глаза, адресуя дальнейшую фразу мне. – Подальше от меня. Надеюсь, наше общение сведётся к минимуму. – мне хочется наорать на него. Открыть Глебу глаза на то, что он далек от моего идеала. Но вместо этого говорю с полным холодом и пренебрежением в голосе.

– Я тоже на это рассчитываю. Хотелось бы пореже видеть твою надменную рожу, – глаза Глеба вспыхнули. Он посмотрел на меня уничтожающе. Я прикусила язык, но было уже поздно. Чувствую на спине озадаченный и удивленный взгляд Маши. Сама не знаю что со мной творится. Потребность язвить и причинить другому боль, появилась вместе с Глебом.

– Пойдёмте, госпожа…

– Измайлова. Олеся, – подсказала я.

Маша шла за мной следом, лучась от торжества.

– А ты куда? – остановил её Глеб. – Твое место во флигеле для прислуги.

Маша понурила голову. Мне захотелось провалиться сквозь землю. Я никогда не ставила себя выше других, не бравировал положением дочери альфы. А теперь моя подруга будет мне прислуживать.

Глеб поднимается следом за мной. Я ощущаю его взгляд у себя на попе. От этого, ноги превращаются в две левые, и я оступаюсь, чуть не падаю. Он ловит меня, схватив за талию.

– Более неуклюжей и нескладной девушки, не встречал за всю свою жизнь, – пробасил он возле моего уха. – За что мне такое наказание? – Я повернулась, оперлась на холодный мрамор перил.

– Много нагрешил, дорогой будущий муж? – я видела как его перекосило от одного упоминания о нежелательном положении. Вот его больное место. Получила хоть какое-то удовлетворение за то, что лишили меня дома, оторвали от отца. Но торжествовать пришлось недолго. Глеб белоснежно оскалился.

– Вот именно! Муж! А дело жены молчать в тряпочку, уважать супруга. И раздвигать ноги при первом требовании, – мои щеки запылали от возмущения. Я замахнулась, чтобы врезать наглецу. Он перехватил мою руку и больно сжал. – Ещё только раз замахнешься – я вырву твою костлявую руку! Ты! Всего лишь инкубатор. Как только родишь наследника, так вылетишь отсюда пулей. Я выполню волю отца. Каких бы мучений мне это не стоило, – впервые мне захотело выругаться. Его слова, почему то больно ранили меня.

Рожу. И меня разлучат с малышом? Мне это не нравилось. Надо что-то придумать. Я не оставлю этому чудовищу своего малыша.

Глава 2

Олеся

– Доброе утро, соня, – просыпаюсь от голоса Маши. Она заходит в дом с подносом в руках. Сажусь на кровати, тру глаза беру очки с тумбочки и надеваю. Могу в полной мере оценить форму Маши. Она ставит поднос на тумбочку и крутиться передо мной.

– Нравится? – черная форма с белым воротничком идеально сидит на красивой фигурке подруги.

– Тебе всё идёт. Хоть в простынь нарядись.

– Как дела?

– Ели уснула. Кровать слишком мягкая, обстановка непривычная, – и я полночи лила слёзы в подушку.

– Тебе не нравится жить здесь? – она осмотрела шикарную просторную комнату.

– Я по дому скучаю, по папе. По лесу. А у тебя как дела? – отпила глоток чая.

– Константин этот, запряг меня по полной. Столько работы дал. А ты знаешь, я не особо люблю это все. Маникюр испортила, пока перемыла всю посуду, пока вытерла всю пыль. Сегодня ещё больше работы.

– Так давай помогу? А то со скуки с ума сойду.

– Ты лучшая в мире подруга! – Маша обняла меня и поцеловала в щеку.

Я мыла окна, чувствуя как от работы прихожу в себя. Маша сидела на диване с ногами, втирая крем в руки.

– Смотри какое раздражение от моющих, – она продемонстрировала мне руки. Я только хотела сказать, чтобы она отдыхала, что мне только в кайф работать, как в гостиную вошёл Мстислав.

– Что здесь происходит? – холодным тоном спросил он, уставился на Машу. Потом на меня. – Ты невеста! Хозяйка в этом доме. Ты не имеешь права марать руки. Я жду тебя за столом. Пришла организатор свадьбы. Нужно обсудить какое платье тебе подойдёт, как ты хочешь украсить дом, какие блюда лучше заказать. Сначала устроим помолвку. Так же, познакомишься с нашими гостями.

Мстислав сидел во главе стола. Как только я вошла, он указал мне на место рядом с собой. Глеб сидел напротив. С ним рядом невероятно красивая роскошная женщина. Я, открыв рот, рассматривала стильно одетую гостью.

– Оксана. Познакомься. Это Олеся. Невеста Глеба.

Девушка приоткрыла ярко красный рот и с удивлением посмотрела на моего жениха.

– Ты женишься? – в ее голосе было столько боли. Ясно, что между ними что-то было. Она больше подходила Глебу. Красивая, ухоженная. Она влюблена в него. Они отлично смотрелись вместе. В отличии от нас. Более несуразную пары

трудно представить.

– Да. – дальше беседа шла о приготовлениях к свадьбе. Она задавала кучу вопросов. Какого дизайнера я предпочитаю? Как будто по мне не было видно, что я далека от модных тенденций.

Во время разговора Мстислав вышел из комнаты и Оксана тут же изменилась, перешла с официального тона на личный.

– Глеб, дорогой. Ты женишься на ней? А как же я? Чем я тебя не устраиваю? Ты же знаешь, я хотела бы выйти за тебя.

– Я исполняю волю отца.

– Это из-за того, что моя бабушка была человеком? – под радостный визг Оксаны, он перетащил её к себе на колени. Схватился за огромную грудь.

– Видишь, Олеся, это сиськи. То, чего тебя лишила природа. Пусть я и женюсь на тебе, но и от нее не откажусь. Я мужик и мне не чужда жажда прекрасного, – почему мне больно смотреть как он тискает Оксану и смотрит на нее похотливо?

Мне до жути захотелось, чтобы он так же смотрел на меня. Так же гладил по ноге. Я резко встала, стул со скрежетом отъехал в сторону, привлекая внимание увлёкшейся парочки.

– Знаете, Оксана. Вы меня не устраиваете как организатор. Хватит с вас обязанностей ублажать моего будущего мужа в кровати.

– Что? – та растерянно захлопала длинными черными ресницами.

– Что-что. Я не нуждаюсь в ваших услугах! – Глеб проводил меня с раскрытым ртом, продолжая сжимать коленку красотки. Я шла, держа беспристрастное лицо, но как только зашла к себе в комнату, упала на кровать и дала волю слезам.

В груди было непривычно жарко, тесно и больно. Боже, только не это! Неужели я влюбилась в него? Но как так получилось? Он же обращается со мной хуже,

чем со скотом. Обзывается и всячески унижает. То, что он открыто показал мне, свою любовницу о многом говорит.

– Мне не нравится что рукава у этого платья длинные и подол ниже колена. Уродское, – хмурится Маша. – Будь у меня такие деньги, я бы тебе лучше выбрала, – я тяжело вздыхаю и падаю на кровать, подпираю лицо руками.

Маша права. В этом платье я бледная как моль, точнее приведение. Ещё эти кружева трут тело, раздражает.

– Я готова поспорить. Это платье выбирала одна из любовниц Глеба. – я хмурясь. Зря я поделилась с Машей своими переживаниями. Дурная привычка все ей рассказывать.

– Поздно уже искать что-то другое. Скоро люди придут на помолвку. Не удобно заставлять их ждать.

Я опустила глаза, их опять щиплет от слез. А на душе тяжёлый камень.

– Олеся, ну ты чего? – Маша приобняла меня за плечи.

– Не хочу идти. Глеб опять начнет меня унижать. Даже тебе не понравилось платье. А он! Да возле него такие красотки. Возьми хотя бы эту Оксану. И послать его не могу. Мстислав больше не будет давать мне шансов. Убьет отца, а наших всех разгонит.

В дверь деликатно постучались и тут же вошёл Константин.

– Госпожа Измайлова, – поклонился он. – Пора. Внизу вас ждёт жених. Нужно, чтобы вы вместе встречали гостей. – он переводит взгляд на подругу. – А вы, Мария, что здесь делаете? Рук итак не хватает. Соберётся больше двухсот гостей, – я тут же оступилась. Не люблю быть в центре внимания. А сегодня придется.

Невыносимые шпильки. Как женщины на них ходят? Спускаюсь, придерживаясь за перила, чтобы не полететь кубарем. Белое платье, украшенное бриллиантами мерцает в ярком свете. Оно красивое, но не для меня. Я теряюсь на его фоне.

Глеб стоит ко мне спиной, заложив руки за спину. С каждым шагом я все ближе к нему. И сердце начинает биться сильнее.

Ему невероятно идёт костюм. Пока спускаюсь, рассматриваю благородный профиль, сильные руки и широкую спину. Увидев меня, он предлагает мне руку.

– Ты прекрасно выглядишь, Олеся, – так странно идти с ним под руку, чувствовать его горячую кожу. Трясу головой, чтобы согнать морок.

– Что? А где же Страшила?

– Сегодня ты официально станешь моей невестой. Я был не прав. Приношу свои извинения, – не верю ни единому слову. Он затеял какую-то новую игру.

Мы стоим у входа, приветствуем гостей. Их очень много. Невыносимо. Мои ноги начинают гудеть от длинных шпилек и я опираюсь на руку Глеба.

– Устала? – его заботливый тон действует на меня как красная тряпка на быка.

– Вот только не нужно быть обходительным и учтивым. Скажи, что ты задумал? Ты отравил еду? Или сегодня придут с полсотни твоих любовниц. К чему мне быть готовой? – спрашиваю между приветствием гостей. «Здравствуйте! Добро пожаловать. Мы очень рады.»

На автомате говорю эту фразу и перевожу взгляд на прибывшую гостью. Оксана. Мысленно шиплю её имя.

Она в ярко красном платье, с глубоким вырезом, в котором видна почти вся ее огромная грудь. Я видела как изменился Глеб. Его взгляд стал хищным, словно он готов набросится на нее, порвать на куски.

Такой жалкой я себя никогда не чувствовала. Вот как должен смотреть мужчина на девушку, с каким желанием. И мне это не светит. Оксана торжествующе улыбнулась.

– Позвольте представить моего спутника. Стас.

Глеб перевел все свое внимание на него. От Глеба исходила такая мощная энергетика, что у меня пробежал мороз по коже.

– Довольно! – пробасил он, как только гости скрылись из виду. – Пошли в зал. – Глеб стал чаще прикладываться к бокалу, то и дело находя взглядом Оксану. Её громкий наигранный смех и откровенный наряд привлекал внимание всех мужчин. И Глеба тоже.

– Внимание! – Мстислав постучал по бокалу ложкой, обращая внимание на себя. Гости затихли. – Как вам уже известно, мы собрались не просто так, а по важному поводу. Глеб, – Мстислав кивнул.

Глеб опустился передо мной на колено и раскрыл бархатную коробочку.

– Измайлова Олеся, согласна ли ты, стать моей женой? – мне все не нравилось. Что мой будущий свекор устроил спектакль из помолвки, что Глеб не может сказать ему нет, так же как и я. А больше всего не нравились те чувства, что я начала испытывать.

Пауза затянулась, гости начали перешептываться и хихикать.

– Олеся? – я посмотрела на Мстислава, который взглядом четвертовал меня. Если я откажусь при таком огромном количестве людей, он мне это не простит. Будет мстить.

– Да. Я согласна.

– Наконец-то, – прошептал Глеб сквозь зубы, надевая мне на палец кольцо и фальшиво улыбаясь.

Потом его рука схватила меня за шею сзади, а вторая легла на талию. Губы все ближе, я чувствую его дыхание на своих, его запах вскружил голову до разноцветных пятен перед глазами.

– Что ты делаешь? – спросила с мольбой в голосе.

– Поцеловать надо. Традиция такая, – его губы касаются моих, я взята в кольцо сильных рук. Язык таранит меня. Все тело прошибает молния и разливается приятное тепло. Из осторожного поцелуя он превращается в настойчивый, а руки прижимают меня все сильнее. Я буквально лишаюсь чувств. Так сильно. Остро. Сладко. Хочется ещё. Мы не можем оторваться друг от друга.

Я с жадностью обшариваю его тело, а его рука съехала с талии ниже. Мы как два одержимые, вгрызаемся друг в друга и нет сил остановиться.

– Ну все, Глеб. Хватит, – останавливает нас Мстислав, тронув его за руку.

Я как пьяная. Пошатываясь, смотрю на него расфокусировано. Мне приходиться вцепиться в его рукава, чтобы устоять. А его взгляд! Так же он смотрел на Оксану.

Глеб сам сбит с толку, выглядит озадаченным. Смотрит то на меня, то на отца.

– Я… Мне нужно… – что сказать не знаю. Как оправдать свое поведение? Он меня с завидным упорством макает в грязь, а я охотно принимаю его поцелуи, отвечаю. Где моя гордость?

Убегаю на балкон. Губы хранят его вкус, а тело горит непривычным огнем прикосновений сильных мужских рук.

Мой первый поцелуй. Разве о таком я мечтала? Подарить его тому, кто угрожал отцу. Кто был так жесток со мной.

Выдыхаю горячий воздух, смотрю на небо цвета индиго, с россыпью ярких звёзд. Вечерний воздух охлаждает горящие от стыда щеки. Полная Луна посеребрила кончики деревьев. Смотрю в лес, мечтаю о том, как снимаю это ужасное платье, вызывающее раздражение и оборачиваюсь в волчицу. Бегу по мягкой траве. Слышу её дурманящий запах, тихий шелест листьев и уханье совы. Нет никаких проблем. Только я и природа, с которой я сливаюсь воедино.

В нос заползает отвратительно-сладковатый запах. Оксана. Моя спина напрягается, а внутри как лавина растет ярость и раздражение.

– Ты ведь понимаешь, что он поцеловал тебя лишь за тем, чтобы я приревновала? – вполне возможно, что она права. А я то придумала, что это было искренне, что он целовал, потому что хотел. А все так просто объясняется. Я же видела как он ревновал. Я всего лишь способ задеть Оксану. – Но все напрасно. К такой как ты не ревнуют. Ты мне не соперница, – разворачиваюсь на пятках.

– Всё сказала? Терпеть не могу людей, которые думают, что планета крутиться вокруг них, исключительно потому что они так хотят.

– Какая ты дурочка, – улыбается как маленькому ребенку. – Дай я тебе кое-что объясню. Ты будешь женой, бременем, которое придется нести несчастному Глебу. А я буду той, которую он будет любить. Его счастьем, отдушиной. И как думаешь? Кто первой родит ему наследника? Ты или я?

– Пошла вон! – отталкиваю её. Руки зудят, как же я мечтаю выцарапать ей глаза, оттаскать за идеально уложенные волосы.

– Воу! – Оксана смеётся, чем бесит меня ещё больше. – Подраться решила, малявка! – она снимает с меня очки. Теперь она для меня красное расплывчатое пятно.

– Эй! – она щелкает пальцами. – Овца слепошарая. Попробуй забери! – поднимает очки кверху. Поджимаю губу, потому что она начинает предательски дрожать, а глаза щиплет от надвигающегося слезного потопа.

Нельзя поддаваться! Оксана будет безумно счастлива, если доведет меня до слез.

– Але ап! – командует она. Я пытаюсь её обойти, вытянув руки, но она не пропускает.

– Что ты творишь? – гремит голос Глеба. Я вздрагиваю.

– Да ничего, милый. Просто шучу.

– Какой я тебе милый? Ты так Стасика своего называй. Ты кто такая? Простая подстилка! По какому праву ты унижаешь мою невесту? – я не верю собственным

ушам. Он заступается за меня. Слышу как Оксана хлюпает носом. Как появляется ещё кто-то.

– Выведите её отсюда. И больше, чтобы ноги её не было в моем доме. И кавалера ее тоже проводите.

Шаги удаляются. Глеб подходит ко мне. Чувствую его дурманящий запах и тепло. Сердце в груди танцует самбу. Он осторожно надевает на меня очки.

– Ты как? В порядке? – киваю. Чувствую как во мне с огромной скоростью множится тепло и нежность к нему. Отступаю, обнимаю себя руками, в попытке защититься, вернуть себе здравомыслие.

Только что прочитала себе лекцию о том, как нужно вести себя с ним, и опять за старое. Один хороший поступок и я готова растечься благодарной лужицей возле его ног.

– Спасибо, – он улыбается кончиками губ. Его суровое лицо изменяется.

Вот же сволочь! Разве можно иметь такую улыбку? Это ж преступление быть таким красивым.

Глеб провожает меня до комнаты.

– И как тебе? Нравится дом? – я мнусь, опускаю глаза. Я задыхаюсь в этой мраморной коробке. Мне хочется домой. Пусть не в шикарный дом, но в уютный, родной. Но сказать ему не могу. Вдруг обидится. Да и открывать душу, рассказывать, что я люблю – не хочу.

– Нормально.

– Не скучно тебе сидеть в четырех стенах?

– Есть немного. От безделья маюсь.

– А что так? Дом полон развлечений. Тут есть домашний кинотеатр. Сауна, бассейн. Я покажу тебе. Завтра.

– Хорошо. Я пойду?

– Да. Иди. – открываю дверь и вижу Машу, сидящую на кровати.

– Я сбежала от него.

– От кого?

– От Константина! До чего вредный дядька! Олеся, – скулит она. – У меня руки болят от подносов, ноги гудят оттого, сколько я на них провела. А терпеть это отношение к себе? Все смотрят на меня как на пустое место, как на предмет интерьера.

– Помоги расстегнуть молнию, – поворачиваюсь спиной. Я нисколько не удивлена. Маша и в общине пыталась спихнуть на кого-то обязанности, в основном это были молодые оборотни, которые неровно дышали в ее сторону.

– Олесь! – продолжает хныкать она, дёргая молнию вниз.

– Ты же знала на что шла?

– Лесечка, ну мы же подруги. Я думала ты мне поможешь. Я в город хотела, а не в рабство. Мечтала посмотреть на него, погулять по дорогим магазинам. Увидеть как люди живут. А не горы посуды и мытьё дворца. Знаешь сколько здесь комнат? Семнадцать! Плюс ванные, туалеты, бассейн, сауна.

– Хорошо. Я попробую поговорить с Глебом, но ничего не обещаю. Просто так он тебя не будет здесь держать.

– Идея! Попроси, чтобы я была твоей личной служанкой! – глаза подруги радостно загорелись. – Представь! Мы вместе будем ходить по магазинам, я буду приносить тебе завтрак. Ходить на прогулку. Были же у благородных эти… – она защелкала пальцами.

– Гувернантки?

– Точно!

– Ну я то не благородная.

– Чё это? Твой папа альфа! И я думаю, Глеб тебя послушается. Я чуть поднос из рук не выронила, когда он на колено встал. А эту Оксану вывела охрана! Она так визжала и рыдала. Ты же его будущая жена. Привыкай к положению, – Я оделась в любимую безразмерную футболку и огромные штаны.

– Ох, Маша. К какому я положению должна привыкать? К унизительному? Он же при мне лапал её и говорил, что после свадьбы ничего не изменится, он продолжит встречаться с любовницами. Не думаю, что это изменится. Просто он перестанет их мне показывать.

– Леся, – Маша обняла меня, по ее щекам побежали слёзы. – Бедная моя девочка. Это ужасно. Я же вижу, он тебе нравится, а он такойй козлина! – мне пришлось утешать Машу.

– Ну чего ты? – печально засмеялась я. – Не тебе же он будет изменять?

– Ещё бы! Я не такая святая как ты. Я бы такое отношение не потерпела! Быстро бы ему изменялку отгрызла.

На следующий день, я крутилась перед зеркалом, перемерила все свои самые лучшие наряды. Психанув, надела джинсы и футболку с рисунком волка.

Чего я замораживаюсь? Понравиться ему я не в состоянии. Да может он и не придет. Но через пятнадцать минут постучался Глеб. Приложила руки к пылающим щекам, а волчица внутри меня радостно делала сальто на месте.

– Привет, – мазнул равнодушным взглядом по мне. – Пошли?

Мы спустились на первый этаж.

– Садись, – он указал мне на диван. – Смотри. Это пульт. Нажимаешь сюда. Выбираешь понравившийся фильм, – я веселилась. Он меня совсем за деревенскую считает?

– Где? А что такое фильм?

– Фильм? – он провел большим пальцем по ноздре и шмыгнул. Выглядел при этом озадаченным. – Как тебе объяснить? В этой коробочке появятся люди, пейзажи животные. Они будут рассказывать свою историю, – он посмотрел на меня, едва сдерживающую истеричный смех. – Ты меня разыграла!

– Прости. Не удержалась. Но ты сам виноват. Я не Маугли. У нас есть техника. Если ты не заметил, на крышах стоят солнечные батареи. Так мы получаем электричество. – я протянула руку и забрала пульт, касаясь его пальцев, отчего во мне росла нежность. Прокашлявшись, спросила видел ли он новую комедию, на которую меня так звал Влад.

Фильм был очень увлекательный, или это его смех и общество так повлияло на меня. Сейчас он другой. Ни с отцом, ни с Оксаной он не был таким… простым, открытым. Лёгким в общении. И мне льстила мысль, что это я так влияю на Глеба.

Забывшись, я засмеялась. Моя голова оказалась на его груди. Опомнилась, когда услышала нарастающий стук сердца.

Я повернула голову и утонула в горящем взгляде Глеба. Его губы так близко, воздух между нами зарядился электрическими импульсами, заискрился, а мне больше всего на свете хочется его поцеловать. И он наклоняется.

Так близко. Я готовлюсь разлететься на атому, жажду этого, но нас прерывает мужской голос и открывающаяся дверь.

– А я ищу его по всему дому, а он здесь.

В комнату заходят трое парней.

Волшебство момента разрушено. Я чувствую как Глеб закрывается, становится холодным. Отстраняется. Парни удивлены тому, что застали нас, почти, целующимися. Я даже вижу как у одного поднимается бровь и он транслирует Глебу вопрос: серьезно?

– Олеся, познакомься. Это Илья, Дима и Саня.

– Приятно познакомиться, – сухо говорю я, чувствуя себя скованной, лишней. – Я, пожалуй, пойду, – выхожу из комнаты, прислонившись к стене, пытаюсь остудить горящие щеки.

– Я не понял, – говорит один из них. – Я думал ты не хочешь женится? А тут такая сцена. На мышек сереньких потянуло? У тебя же что не баба, то модель или мисс Мира. Надоели красотки? Хочется разнообразия?

– Не говори ерунды! – бурчит Глеб. – Никуда меня не потянуло. Я должен как-то привыкнуть к ней. Отец требует наследника. Надеюсь он получится с первого раза. И не будет необходимости спать с ней часто. – я отшатываюсь.

Мне словно нож в грудь воткнули. Хочется бежать подальше отсюда, хочется домой к отцу, спрятаться в его сильных руках. Это его игра. А я то себе придумала сказочку, что такому красавчику я могу понравиться, что он чувствует что-то ко мне.

Захожу к себе, запираю дверь на замок. Мне нужен разум волчицы, нужно успокоиться. Раздеваюсь, выхожу на балкон.

За окном сгустились сумерки, но я хорошо вижу цель – лес, сразу после высокого забора. Оборачиваюсь, спрыгиваю, легко преодолеваю забор. Вдыхаю полной грудью знакомый до боли запах, воспоминаниями возвращаюсь назад, где я была свободна. Запах хвои, свежей травы и ночного воздуха. Бреду по лесу, прислушиваюсь к каждому шороху. В нескольких километрах отсюда лось, вдалеке ухает сова, охотиться на мышей. Нахожу большой камень, обросший мхом, ложусь на него. Это моя стихия, будь моя воля, я никогда бы не вернулась назад, навсегда осталась бы волчицей.

Безмятежность и умиротворение, накрывает меня пушистым одеялом. Глаза закрываются и я засыпаю. Нет душевных тревог и метаний.

Волчица почувствовала чужака, прислушивается к звукам. Тяжёлая поступь и манящий запах. Волк. Огромный серый, он останавливается в километре от меня. Принюхивается. Поднимаюсь, рычу, показывая клыки. Шерсть на загривке встаёт дыбом. Он рассматривает меня, склонив голову набок. Я чувствую его

возбуждение. И я бегу.

Волк преследует меня по пятам. Он тяжёлый, большой, а я быстрая верткая. Мне удается увеличить расстояние между нами. По дороге мне попадается скунс. Успеваю скрыться прежде чем он, распылит свою вонь. Волк не может найти мой запах, вонь скунса все затмила. Я ликую, представляю как у него слезятся глаза, как он пытается найти мой запах, но это невозможно. У него ещё дня три будет стоять только этот запах, я знаю, мне приходилось встречаться с этими животными.

Смотрю на алеющий рассвет, с тоской понимаю что мне необходимо вернуться. Перепрыгиваю забор и возвращаюсь в свою комнату. Успеваю принять душ, как в дверь настойчиво стучатся. Открываю и отступаю назад. В комнату заходит встревоженный Глеб.

– Доброе утро, – он смотрит на кровать, на которой я успела поваляться. – Ты не выходила из комнаты?

– Нет. Как я это сделаю? – он смотрит на меня проникновенно, пытливо. – Я был в лесу. И там была белая волчица. Я думал это ты, – так тот волк, понравившийся волчице, и от которого она убегала это Глеб? Хочется спросить как у него с обонянием, но я вовремя себя останавливаю. Неизвестно что будет мне за ночную вылазку.

– Ладно. Одевайся, завтракай. И жду тебя внизу. Поедем в магазин, хватит тебе ходить в этом тряпье, – он смотрит на мою безразмерную футболку.

Поехать с ним один на один? Чтобы я опять забылась и погрузилась в придуманный мираж? Стоит ему только коснуться меня, как я превращаюсь в растаявшую мороженное и забываю все.

– Можно Маша поедет с нами?

– Маша? Это твоя подруга? – киваю. – Хорошо. Пусть едет.

Маша, как только узнала, что едет со мной в магазин, скакала до потолка. Мы вышли с ней под руку, Глеб открыл мне дверь. Я толкнула подругу вперёд.

Сидеть рядом с ним, прижиматься к нему это испытание, которое не уверена что пройду с достоинством.

Всю дорогу до центра города Маша трещала без умолку, а её глаза лихорадочно горели. Глеб отвернулся к окну, потёр виски. Она его явно раздражала.

Мы шли по начищенному до блеску торговому центру. Девушки смотрели на меня свысока, а на Глеба с заигрывающей улыбкой. Мне все здесь чужое, зато подруга чувствует себя как рыба в воде. Маша затащила меня в бутик, утверждая, что именно он нам нужен.

– Пусть раскошеливается, – говорит она, видя как я с округлившимися глазами рассматриваю ценник на очень коротенькой тряпочке.

Я крутилась перед зеркалом тяжело вздыхая. Я в этом обтягивающем голубом платье с глубоким вырезом как глиста. Маша отодвигает шторку.

– Олеся. Возьми этот комплект, – протягивает прозрачные верёвочки. – Скажи, что это тебе. Я хочу понравится одному мужчине.

– Это кому?

– Охраннику одному, если получится, я тебе в подробностях расскажу. А пока я могила. Чтобы не сглазить.

– Маша, ну это же грабеж. Посмотри на это платье.

– Ты просто никогда такое не носила.

– Конечно не носила. Для тайги важно, чтобы комары не покусали и одежда дышала. И уж явно я бы не стала ходить на шпильках. Просто негде.

– Забудь это ужасное место! Наконец, кончились наши мучения.

– Я не мучилась. Это мой дом, – с грустью поправила я.

– Так что? Возьмёшь комплект белья для моего светлого семейного будущего?

– Нет. Ты что! Я тут ничего не возьму! – переодевшись в свою одежду, говорю Глебу что нам нужно поискать магазин подешевле. Он все это время печатал что-то на телефоне. Оторвав взгляд, тяжело вздохнул и обратился к продавщице.

– Что вы там мерили? Упакуйте, – пока продавец складывает и в пакеты и отбивает сумму, Глеб ждёт с карточкой наготове. – И это ты мерила? – он поднимает комплект белья двумя пальцами и смотрит то на меня, то на верёвочки. Я не могу выдать Машу, ему это точно не понравится.

– Да. И его мерила, – повернулась к Маше, проклиная её взглядом. – Зачем ты его подсунула?

– Ничего. Пусть расплачивается, – шепнула она. Мы возвращаемся домой вечером, слуги заносят в дом гору пакетов. А Глеб просит меня остаться для важного разговора.

– Завтра придет организатор свадьбы. Отец торопится. Говорит чтобы мы поженились через неделю. Пожалуйста, не думай о деньгах, когда будешь выбирать платье. Это не твоя проблема.

– Через неделю! – я всё ещё надеялась, что случится чудо и меня спасут от этой участи. Жить с тем, кому ты даже не нравишься. Но это все пустые надежды. А главное, Мстислав хочет наследника и значит будет брачная ночь.

Глава 3

Олеся

Проезжающие мимо нас машины радостно гудят, шарики, привязанные к боковым зеркалам развиваются от скорости.

– Ты бледнее, чем обычно, – заметила Маша.

– Я так волнуюсь, ещё немножко, и меня стошнит на это произведение искусства, – разглаживаю белоснежную ткань.

Причин для тревоги множество. И главная из них: на моей свадьбе не будет отца. Я даже не знаю как он.

– Спасибо тебе, Машунь. Хоть один родной человек будет на моей свадьбе, – я благодарно улыбаюсь подруге, сжимая её ладонь.

– Ты пьешь? – она многозначительно посмотрела на меня и на водителя лимузина. Я поняла о чем она. О противозачаточных. Как только я поняла, что избежать брачной ночи у меня не получится, попросила Машу купить таблетки. Одно дело потерять девственность, другое ребенка. Если я забеременею, то буду навсегда привязана к этой семейке. Я ведь даже уйти не смогу, ребенок будет принадлежать Мстиславу. Так он мне сказал за обедом.

Мало того, что я стала вещью без права голоса и выбора, так ещё и малыша постигнет такая же судьба. Я категорически против. А таблетки – моя надежда на свободу. Возможно, Мстиславу не понравится, что я так долго не могу принести долгожданного внука и он найдет мне замену. Это на тот случай, если я не придумаю как вырваться из этого капкана.

– Улыбнись. Скоро ты выйдешь замуж за красивого мужчину. У тебя будет столько денег! Хоть жопой ешь. Красивый дом, машина, положение в обществе. Я не понимаю траурного выражения лица. Как будто хоронить будут.

– А ещё красавчик муж, который меня не любит, а терпит, потому что так велел отец, невозможность видеться с отцом, не будет свободы. Я не могу принимать решение, ни в чем. Даже в выборе свадебного платья, – я хотела скромное платье, без пышных юбок и кучи бриллиантов. – На мне столько дорогих камней, что меня стоило перевозить в сейфе. И похищение невесты произойдет только потому, что она стоит больше, чем наш областной город.

– Вот! Молодец. Уже шутишь. Так держать!

Машина тормозит возле здания ЗАГСА. Под нарастающий гул в ушах, выхожу из машины. Маша поправляет мне фату, я сжимаю свадебный букет. Меня

окружает толпа журналистов. Под вспышки фотокамер ко мне подходит Глеб. На нем черный строгий костюм, который только подчеркивает его стать и красоту. Сердце бьётся быстрее, а люди становятся безликой массой. Я всего лишь держусь за его руку, а меня опять охватывает непонятное волнение, трепет, и я не могу отвести взгляд от его лица, от его улыбки, которую он дарит гостям.

Слышу, как раздаются восторженные охи женщин. Не я одна подверглась его обаяния и врожденной харизмы.

– Какой красавчик! – шепчутся у меня за спиной. – А невеста то! Какая страшненькая. Не помог ни именитый визажист, ни дизайнерский наряд. Платье на ней сидит как на корове седло, – моя эйфория проходит и надежда, что возможно не все так плохо, что Глеб однажды проникнется ко мне хотя бы симпатией, тает на глазах.

Я смотрю на него. На красивом лице нет больше улыбки, он сжимает челюсть до остро выделющихся скул, а в его глазах полыхает ярость.

Конечно, он тоже это слышал. Весь вечер гости будут перешептываться о том, как ему не повезло со мной, что такому красавчику могли найти более красивую партию.

– Слюни подбери, – сплетницы продолжают трещать за нашими спинами. – Ни тебе, ни мне он не светит. У нас нет такой чистой крови как у нее.

– А ясно. Выбрали племенную кобылку, точнее пони, – хихикают.

– Заткнитесь вы! – слышу голос Маши. – А не то вас выведут с церемонии. Олеся хорошая. И у нее добрая душа, в отличие от вас, змей! – В этот момент я готова расцеловать подругу.

Мы стоим в красивом зале и на меня наваливается вся серьезность решения, которое я приняла. Словно сквозь толщу воды слышу отрывки слов регистратора брака, про нити связавшие на всю последующую жизнь.

…я хотела бы услышать является ли ваше желание свободным, искренним и взаимным, с открытым ли сердцем, по собственному ли желанию и доброй воле вы заключаете брак?

По собственной воле? С открытым сердцем? Нет, конечно!

Прошу ответить вас жених:

– Да.

Прошу ответить вас невеста…

Я совершаю огромную ошибку. Что будет, если я скажу нет и убегу? Доберусь на попутках до дома, увезу отца так далеко, что Мстислав нас ни за что не найдет. А выпустят ли меня? А Машу? На что способен Мстислав? Вдруг ей придется расплачиваться за мою свободу.

За моей спиной раздается шушуканье, а от Глеба исходят волны раздражения. Я поворачиваю голову и Мстислав смотрит, из-под насупленный бровей.

– Невеста?

– Да. Я согласна.

Мы обменивается кольцами под пафосную речь регистратора.

… означает, что отныне вы две половины, единого целого.

Просторная столовая сияет своей белизной, столы накрытые белоснежной скатертью, на них нежные орхидеи белого, розового и оттенка возвышаются на тонких палочках, не загораживают вид на улыбающихся гостей, а услужливая армия официантов щедро подкладывают дорогие закуски, пока я нервно мну белоснежную льняную салфетку.

Скоро молодые, то есть мы с Глебом, пойдем в комнату. Я останусь с ним один на один.

– Кончай кукситься! – шепчет мне на ухо Маша. – Ты пробовала лобстера? Татьяна, кухарка, сказала, что он стоит тысячу долларов!

– Я не хочу, – мне просто кусок в горло не полезет. С Глебом, за сегодняшний день, мы едва обмолвились парой фраз. Он снова держится отстранённо. Все после того, как его друзья высмеяли меня. Вот и сейчас он разговаривает с ними, обсуждает бокс, совсем не обращая внимания на меня.

– Эх! – вздыхает Маша, выпивая залпом шампанское. – Тихо как на похоронах и шампанское какое-то горькое.

– Что? – переспрашиваю я.

– Я говорю: горько! – кричит изрядно захмелевшая, почти труп, подруга. Почти, потому что я обязательно исправлю это. Мне вполне хватило поцелую на регистрации. Быстрого, мимолётного как удар электрошокером. Примерно это я ощущала, когда он меня поцеловал.

Гости оживились и поддержали дружными возгласами. Глеб, натужно улыбаясь, встал и потянул меня за локоть вверх. Его рука ложится на мою талию, я замираю как лань перед охотником. Мысленно готовлю себя, настраиваю, чтобы не реагировать так бурно. Но все до того момента как его губы касаются моих. Я закрываю глаза, от переизбытка рвущихся чувств. Не реагировать! Не сметь!

Раз!

Голова кружится.

Два!

Ноги слабеют, мне приходиться обхватить его сильную шею, давить в себе желание провести руками ниже, по ярко выраженным грудным мышцам, которые невозможно скрыть хлопковой рубашкой.

Три!

Ноги слабеют, а сердце в груди делает кульбит.

Глеб отпускает меня и я мешком падаю на стул.

– Три? Слабак! – кричит подруга, хватанувшая слишком большую порцию шипучей храбрости. Глеб опирается на спинку моего стула и наклоняется к Маше.

– Ещё одна такая выходка, и ты отправишься в свою тьму тараканью пешком. Не забывай! Ты! Всего лишь прислуга! И здесь только потому, что моя жена, Олеся, считает тебя подругой. И хватит пить! Ты превращаешься в вульгарную дуру, – Глеб не повышает голоса, говорит вкрадчивым шепотом, но звучит это очень устрашающе, что не только у меня бегут мурашки страха, но и Маша превращается в тихо блеющую овцу.

– Простите Глеб Мстиславович. Я поняла вас, – несмотря на робость и страх, я возмущена тем, как он разговаривает с Машей.

– Это, как ты верно заметил, моя подруга! Я не позволяю себе так разговаривать с твоими многочисленными гостями. Пусть мне не всегда нравится что они говорят и как действуют, – смотрю за плечо мужа, на его друзей. – И жду от тебя того же. Имей уважение к моей ЕДИНСТВЕННОЙ гостье.

– Она прислуга!

– Не сейчас! Сейчас она моя гостья. И если тебе так противно меня целовать, мог просто этого не делать, – близко сидящие гостьи затихают, внимательно прислушиваясь к нашей беседе.

Глеб резко встаёт, его стул со скрежетом отъезжает.

– Дорогие гости! – с улыбкой обращается к ним. – Пейте, веселитесь, а нам пора.

Он невозмутимо ведёт меня больно сжимая руку. Мы поднимаемся наверх. В его спальню.

Щелчок замка и мой пульс подскакивает. Глеб опирается спиной на дверь, скрестив руки на груди, сканирует меня жёстким взглядом.

– Позволь кое-что тебе объяснить. Ты теперь, моя жена! Это значит, ты уважаешь меня, не перечишь. Она оскорбила меня, я указал ей на место. Ты не должна идти против моей воли. Мое слово – закон. Ты За мужем! В нашей семье муж главный! Я не буду плясать под твою дудку. Это понятно? – я опускаю глаза в пол, не в силах противостоять его напору. Он буквально меня раздавил своей властной энергетикой. Из-под лба, смотрю как он снимает бриллиантовые запонки и развязывает галстук, кидает его на спинку.

– Что стоишь? Раздевайся! У нас брачная ночь, как никак.

– То есть мы будем… у нас будет?.. – краснею, заикаюсь.

– Секс? Да, конечно. Видишь ли, Олеся, без этого детей не бывают.

Пока Глеб ушел в душ, я быстро разделась и юркнула под одеяло, натянула его до самого носа, обратилась в слух. Под нарастающий стук сердца, слушала как перестала бежать вода, как он вытирается.

Глеб вышел ко мне в одном полотенце, обмотанным вокруг бедер. Я не впервые вижу мужчину голого по пояс, но именно мой муж вызывал во мне восхищение вместе со смущением. Покраснела как помидор, но не могла отвести взгляд от поджарого горячего тела. Скользила взглядом от покатых плеч к грудным мышцам с темными сосками, ниже к рельефному животу с шестью кубиками. Взгляд остановился на руках, увитых переплетением вен, как его пальцы цепляют уголки полотенца и оно летит вниз.

Я зажмурилась, видя впервые мужской половой орган. Для верности накрылась одеялом, как будто это помогло бы забыть эту болтающуюся сосиску. Кровать рядом со мной прогнулась.

– Что ты так смутилась, Олеся? – он опустил одеяло, навис надо мной. – Никогда раньше не видела член? – мои щеки пылали огнем. Я лихорадочно покачала головой, глаза Глеба блеснули, а на лице заиграла довольная улыбка. Мой взгляд опустился к его паху. Он вырос! Превратился в огромную покачивающуюся дубину, направленную на меня. Меня охватил непонятный жар и томление внизу живота. Нечто похожее я чувствовала когда он меня целовал.

– Ох, – не сдержалась я.

– Давай посмотрим что мне досталось, – он откинул одеяло в сторону, я тут же прикрыла стратегические места руками.

– Тебе не стоит меня стесняться. Я же твой муж. Убери руки! – он смотрел на меня как на кусок стейка с каким-то особым голодом. От этого огня в глазах я зажглась как фитиль.

– Не понимаю, – Глеб разговаривал сам с собой. Касаясь моей шеи и спускаясь вниз, вместе с пламенем охватившим ту часть тела, что он трогает, изучает. Твердые пальцы накрывают затвердевшие соски и меня выгибает под действием неизвестных мне чувств, а с губ слетело несдержанное «ах».

– Такая чувствительная, – он, продолжает разговаривать сам с собой, нагибается к остро торчащему розовому соску и втягивает его в рот. Меня пронзает молния, устремилась между ног, где стало влажно. Я свела бедра вместе, пытаясь унять пульсацию между ними, но Глеб требовательно раздвинул их в сторону и его рука коснулась меня там. Надавил на какую-то особую точку и меня подбросило.

– Давай-ка мы это снимем, – снял очки и стал для меня размытым пятном. Чувства стали острее. Накрыл меня своим горячим телом. Схватил за голову не позволяя увернуться и впился грубым поцелуем. Между ног ощущала его горячую дубину, а поцелуй из спокойного превратился в борьбу языками. Мы, как два оголодавших зверя, готовы сожрать друг друга. Его губы такие сладкие манящие, чем больше я их пробовала, тем больше хотелось. А с телом творилось что-то непонятное. Меня словно в кипяток окунули. Внутри все полыхает огнем, бедра пришли в движение, словно тело диктует что делать, чтобы унять жар внутри. Твердый как сталь внутри и нежный снаружи его половой орган скользил между моими складочками, каждое движение подбрасывало меня на новую высоту наслаждения. Я жадно шарила по его телу, обследуя каждый участок. У моего мужа потрясающее тело, сильные руки. Да он само совершенство.

Забыв об обидах и о том, что я здесь не по своей воле, растворилась в сильных объятьях, забыла о том, что мне нужно сбежать, про установку ничего не чувствовать к нему. Мечтала лишь об одном, чтобы он никогда не отпускал. Его дыхание жесткое, волнующее щекочет мочку ухо. Но все меркнет, когда горячая головка входит в меня, разрывая на пополам как саблей. Я попыталась уползти вверх, но Глеб, схватил меня за талию и насадил на свой орган сильнее. Он

вымученно простонал, словно сдаваясь. Мой крик потонул у него во рту.

– Черт возьми. Как хорошо, – шепчет он как в бреду. От его слов во мне разливается нежность с щемящим чувством в области груди. Ему хорошо. Со мной.

Боль поутихла, вернулось то безумие, что охватило раньше. С каждым движением его бедер меня подбрасывало все выше. Я царапала его спину кричала, тонула в жидком пламени его глаз, растворилась под сильными руками сжимающих мои ягодицы.

Вылетела из тела при очередном толчке, чувствуя как внутрь бьёт горячая жидкость. Все стало странным. Я потеряла связь с реальностью. Я: белый светящийся шарик, расплываюсь в черной мгле. В Глебе.

Глава 4

Глеб

Олеся моя истинная! У меня были подозрения на этот счёт, когда впервые её поцеловал и не смог остановиться. А после первой брачной ночи убедился в этом.

Слышал от отца, что при сексе истинных их души срастаются вместе. Я к такому не готов. Это то же, что стать рабом, зависеть от второй половинки. Умирать от тоски, если ее нет рядом. Я к такому не готов. Не с ней.

План был другим. Исполнить волю отца, сделать наследника и забыть про жену, продолжить жить прежней жизнью.

Я предпочитаю совсем других женщин. Фигуристых, красивых, с которыми не стыдно выйти в свет. А Олеся… Обычная серая мышка. Я никогда бы на такую не посмотрел, не переспал бы, даже если бы выпил ящик водки. И пусть эта ночь стала самой горячей в моей жизни и мне безумно понравилась близость с Олесей, я не готов стать ее личным рабом.

Я залетаю в кабинет к отцу, громко хлопаю дверью.

– Ты знал! Ты черт возьми все знал!

– О чем?

– О том, что она моя истинная!

– Конечно знал, – отец откладывает утреннюю деловую газету в сторону и пьет кофе из маленькой чашки, оттопыривая мизинец в сторону, невозмутимо смотрит на меня. – Я, когда увидел вас вместе, заметил парный знак, – у отца особый дар видеть то, что другим недоступно. Прожив такую долгую жизнь, он приобрел ряд способностей.

– Как разорвать эту связь? Ты же знаешь? Сколько у тебя было истинных за тысячелетия?

– Много. Только от них есть гарантия в продолжение рода. Что тебя не устраивает? Она чистокровная, покладистая. Ты можешь лепить из нее что захочешь.

– Да все! Надо мной потешаются друзья. И ты слышал, что люди болтают за спиной?

– Люди всегда болтают. Главное что ты думаешь, чувствуешь.

– Есть ещё проблема. Мой волк нашел кое-кого.

– О чем ты? – я которую ночь прихожу в лес, жду ту красивую белую волчицу. Как я мог упустить её? Она просто нереальная. Её шерсть сиянием напоминала Луну. А она так грациозна, породиста. Я должен её найти и узнать кто она. Она должна стать моей! Именно такую нужно брать в жены, а не закомплексованную, боящуюся своей тени Олесю.

– Моему волку понравилась одна, но я не смог узнать кто она.

– Это невозможно. У нас не может быть истинной и той, что мы любим. Это должен быть один и тот же человек.

– Значит мой случай исключение из правил. Разъедини нас с Олесей.

– Это опасно. Нужно вырвать часть души.

– С этим Сэмом же получилось. У него тоже была истинная.

– Там другое. Просто Милана захотела его, а ты знаешь, я не могу отказать своей любимой дочурке. Она так похожа на свою маму, – папа никогда не рассказывал, что случилось с матерью моей сестры. Но он до сих пор по ней скучает.

– Отсеки часть души. Я не против, – я уже чувствую эту связь, меня, как магнитом тянет вернуться к ней, к Олесе. Хочется зарыться в ее растрёпанные белые волосы, поцеловать каждый участок ее кожи. Её хрупкую, такую маленькую в моих руках, услышать ещё раз её будоражащий стон. Я уже чувствую, как она держит меня за яйца, а с каждым днём связь будет все прочнее и прочнее. Нужно это прекратить! Я никогда никому не подчинялся, не собираюсь начинать.

– Хорошо. Как только она забеременеет, я все сделаю.

Луна скрывается за кронами деревьев, чтобы появиться снова, освещая мне дорогу. Я, который день подряд, прочесываю лес. Все напрасно, я не могу найти ту белую волчицу, уловить её запах. Ее здесь нет, но я продолжаю тешить себя надеждой и надеяться на чудо.

Устав от быстрого бега, ложусь на тот самый камень, на котором лежала она. Она мой шанс на спасение. Меня одинаково тянет к ней и к моей жене, которую я упорно избегаю. Мне нужно взять свои чувства под контроль, стать тем прежним, каким я был до появления в моей жизни Олеси. Стать свободным. Белая волчица могла бы помочь мне отвлечься, перерубить ту нить между мной и женой.

Это похоже на болезнь наркомана, зависимость. Стоит мне прикрыть глаза и передо мной появляются глаза цвета лаванды, чуть приоткрытый от страсти рот,

а в ушах звучит тихий стон, как капитуляция. Я день и ночь думаю то об Олесе, то о волчице. Это не нормально. И я покончу с этим. Чего бы мне это не стоило.

Домой я возвращаюсь рано утром. Иду в комнату на первом этаже.

– Глеб! – окрикивает меня отец. – Зайди ко мне! Зевая следую за ним. Отец выглядит рассерженным, меряет кабинет широкими шагами, заложив руки за спину. – Скажи, ты зачем женился?

– Ты знаешь. Потому что ты так велел.

– А для чего?

– Тебе нужен был внук.

– Вот именно! – он угрожающе трясет в воздухе указательным пальцем. – А как это случится, если ты свою жену не видел со времён первой брачной ночи. Я недоволен тобой, – я не понимаю, зачем ему потребовался внук так срочно. Горит что ли?

Я не готов стать отцом. Да что там! Я и жениться не был готов и вряд ли когда то захотел бы.

– И где ты шатался всю ночь? По бабам шлялся? – отец говорит это и его поводит. Лицо побледнело он прикрывает глаза и хватается за край стола.

– Отец? Что с тобой? – я подбегаю к нему и придерживаю за локоть. Он машет рукой.

– Не стоит. Все нормально. Впервые вижу что отцу плохо. Для меня он как титан, его не способно убить время. Он и мой дядя Рогволод единственные кто победил смерть. Им больше четырех тысяч. Ни один оборотень столько не прожил. Для меня они как чудо. Неужели это конец?

– Сегодня мы идём на важный прием. Приготовь фрак, – он выходит бормоча себе под нос: – Время выходит. Нужно поторопиться.

Я прокручиваю слова отца, не понимаю о чем он. Очередная тайна, о которой он, конечно же, не расскажет.

Я вспоминаю то, что говорила Олеся. Как тогда она точно попала в самое больное место. Отец приказывает, а мы выполняем. Я никогда не видел от него тепла, любви, человечности. Разговоры по душам – это просто не про нас. Мы с Миланой, моей сестрой, из кожи вон лезем, чтобы заслужить его одобрение. Но все тщетно.

Горечь остаётся на языке, а грудь сдавливает понимание, что мы лишены чего-то важного, того, что есть у простых людей.

Я вспоминаю сцену, которую застал на кухне. Наш слуга, Константин, сидел за столом со своим сыном. Тот рассказывал ему о том, сколько поймал рыбы. С ним Константин преображался. Он светится от гордости за сына и с любовью треплет его по голове. От моего отца такого не дождешься. Сколько бы не старался ему угодить.

Я надеваю белую сорочку. Накрахмаленные воротник трёт кожу, беру шёлковый галстук-бабочку, когда в комнату заходит Константин.

– Позвольте? – киваю. Константин повязывает бабочку на шее. – Вы идете один? Без жены? – чтобы снова слушать перешептывания и смешки за спиной?

– Один, – застегиваю белый пикейный жилет на три дорогих пуговицы, под пытливым взглядом Константина.

– Позвольте спросить почему?

– Будут политики, влиятельные люди и девочка из глуши там совсем не к месту. Что она знает об этикете? Давай честно. Её хоть как наряди она выглядит… простовато.

– Но она же ваша жена. Ей все равно придётся сопровождать вас. А этикету можно научить. – Константин помогает надеть фрак.

– В другой раз, – беру белые перчатки. И спускаюсь вниз. Возле машины останавливаюсь, чувствуя как сверлит между лопатками. Подняв голову вижу в окне Олесю, она быстро задергивает шторку.

Прикрывая глаза, пытаюсь унять изжогу. Или это не она? А меня просто тошнит от самого себя.

Слуги одетые во фраки с черной жилеткой, скрипки выводят нежную приятную музыку, дамы в элегантных платьях, а все мужчины, согласно дресс-коду, одеты как и я.

Я словно переношусь в начало двадцатого века. Мой дядя, Рогволод, любит устраивать подобные приемы. Помпезно, пафосно. Я вижу его в центре зала. Статный, на вид ему лет сорок, хотя он почти ровесник отцу. Младше всего на десять лет. Внешне он совсем не похож на отца. Брюнет, с ярко зелёными глазами.

Четыре тысячи лет назад был создан первый успешный оборот человека в оборотня. Пытались очень долго, но безуспешно. Люди умирали, словно сама природа была против такого вмешательства. Псы-воины, так называли моих предков, отличались особой свирепостью. Идеальные воины. Рогволод был обращён спустя десять лет и он стал прародителем другой расы – вервольфов.

Возник конфликт двух лидеров. Ни мой отец, ни его брат не хотели сдавать лидерских позиций. Лишь недавно они помирились.

Мы с отцом подходим к Рогволоду. Братья пожимают друг другу руки, я киваю в знак приветствия. Рядом с ними стоит Демитрий, вервольф, вместе со своей женой Лулу.

Именно они послужили тому, что четырех тысячелетняя война привела к миру. Лулу и Демитрий влюбились друг в друга, и несмотря на то, что Лулу оборотень, поженились и теперь у них двое детей. Они стали легендой, что несказанно бесит отца и дядю. Как их потомки, стали значимее чем они, создатели?

Я видел их однажды, на очередном приеме.

– Дмитрий, – говорит дядя на английском. – Вы должны присоединиться к нам. Войти в круг приближенных.

– Простите мистер Руд, но нет. Мы с женой хотим жить спокойной жизнью. Тем более, то движение, которое вы создаете – претит нашим взглядом. Какая разница на ком женится вервольф или оборотень?

– Есть разница! Это смешанная кровь.

– Тем более, нам с вами не по пути. Наши дети полукровки. Эмили, моя дочь она оборотень, пошла в жену. А Алан в меня, он вервольф, – тут заговорила его жена, блондинка, с ярко горящими глазами лазурного цвета.

– И методы борьбы с полукровками это какой-то архаизм! Я знаю, как вы расправляетесь с ними, – я прислушиваюсь. Расправляется? О чем это она?

– Мы милостивы, – Рогволод жёстко смотрит на блондинку. – Прощаем прежние грязные связи, – его лицо перекосилось, словно он выплюнул улитку. – Но требуем, чтобы впредь такого не повторялось. Оборотень должен жениться на оборотне, а вервольф на вервольфе, чтобы произвести достойное потомство. Я уже не говорю о том, чтобы связать свою жизнь с низшими существами – людьми!

– Прощаете? – язвительно передразнила Лулу. – Так вот, мистер! Я открою вам большую тайну. Мы не нуждаемся в вашем прощении! У нас все было просто прекрасно, пока не появились вы – создатели.

– Осторожнее со словами, милочка!

– Я вам не милочка! Дём, – обратилась она к мужу. – Пойдем отсюда. Его здесь нет, – она нежно коснулась руки мужа. Мужчина явно был в гневе. Я видел как его глаза опасно блестят, а скулы ярко выделялись. Ещё мгновение и он бы обернулся в вервольфа и набросился на дядю. Но стоило ей прикоснуться, он успокоился. И кратко кивнул.

– Вы, очевидно, говорите о Сэмюэле Бейкере? Так у него все хорошо. Он одумался и решил не портить свою жизнь связью с человечишкой. Он счастлив с

моей племянницей.

– Это ложь! – вскипела Лулу. – Сэмми любит Бьюлу! Она его истинная. Вы что-то с ним сделали!

– Вероятно, это вы ошибаетесь! – усмехнулся Рогволод.

– Тогда почему он оборвал все связи? Не хочет видеть нас? Дайте нам увидеться и поговорить. Я хочу услышать это от него!

– Не видится, значит не хочет. И вам стоит больше волноваться о себе и о своей семье. Эмили и Алан? Так, кажется, зовут ваших детей? Хм, нужно познакомиться поближе, – лицо блондинки перекосило от ярости и страха. А ее муж бросился вперёд и схватил дядю за грудки.

–Только попробуй к ним подойти.

– Нет, Дём, – зашептал Лулу, поглаживая его по руке. – Не нужно. Их слишком много. Мы не справимся. Подумай о детях. Что будет, если нас… – она не договорила очевидную вещь. Убьют.

– Да, Дём, – передразнил дядя. – Думай о детях.

Блондинка буквально силком увела разгневанного мужа.

Я отвел отца в сторону.

– Пап, что это значит? – во мне назревал бунт. Неужели отец замешан во всем этом? Конечно я знал о его идее фикс о чистой крови, и даже поддерживал. Но я не думал, что они с дядей опустятся до того, чтобы угрожать людям, используя детей. Похоже, у отца много тайн от меня, больше, чем я думал.

– Ты все понял, Глеб.

– Но это низко! – недостойно мужчины – застряло в горле.

– На войне все средства хороши.

– А разве мы воюем?

– Да. Лишь ты это не замечаешь. Однажды, я введу тебя в курс дела. Но пока ты не готов. Эта семья – легендарная. Она нам нужна. Что ж, если не получится с этими упрямцами, есть ещё отец Демитрия. Он более сговорчивый.

Я хотел ещё много узнать у отца, но тут мои глаза закрыли маленькие ладошки.

– Угадай кто? – я улыбнулся.

– Привет сестрёнка, – повернулся к моей маленькой красавице. Единственной, которую я люблю, несмотря на капризный и вредный характер.

– Привет, Глеб. Привет пап, – он холодно ей кивнул и пошел к Рогволду.

– Ты одна? – посмотрел по сторонам, выискивая её жениха, Сэмюэля.

– Да, – она скривилась. – Сэм, всё же, далёк от такого приема. Его манеры всё ещё оставляют желать лучшего. И он не любит такие места. Ради меня, конечно, он бы потерпел, но ходил бы с кислой рожей весь вечер, – я вспомнил, что говорила Лулу. И даже согласился с ней.

В Америке, где мы встретились с Сэмом впервые, он был с человеком. Бьюлой Родригес. И тогда он выглядел безумно влюбленным. Тем более, мне показалось это странным, что он так быстро переметнулся к моей сестре. Я бы заподозрил его в том, что он попросту использует сестрёнку, чтобы втереться к нам в семью, если бы не видел, что он смотрит на Милану так же, как тогда на Бьюлу.

– Я смотрю и ты один? А как же «мисс Тайга»? – эта насмешка сестры вызвала у меня раздражение. И обиду за Олесю. Как я и думал, она здесь не к месту. О чем уж говорить, если даже сестра так считает.

– Осталась дома, – взял два бокал шампанского у проходящего мимо официанта, передал один сестре, другой залпом выпил.

– Это правильно. Не обижайся брат, но она…. Страшненькая. Эти ее очки на пол лица, худощавая как доска, – сама то ты не лучше. Чуть не сорвалось с губ.

Что это со мной? Разве Милана говорит не то, что я думаю? Откуда эта потребность защитить Олесю?

– Ах как жаль, что Оксана не чистокровная. Именно такая тебе нужна. Я же знаю каких девушек ты предпочитаешь.

– Знаешь, по-моему, мои вкусы изменились.

– Ой брось, братец, – отмахнулась сестра. – Это магия истинных. Тебя тянет к Олесе, потому что твой волк на нее запал, – ага, а ещё на ту белую волчицу. Кобель он у меня, одним словом. Не сильно то отличается от человеческой оболочки. – Хочешь докажу, что ты все ещё хочешь Оксану?

– Как?

– Оксана! – позвала она и помахала ей. Я повернулся.

– Черт возьми. Она как чувствовала. Думаешь для кого этот вырез почти до задницы и откровенное декольте? – шептала мне на ухо сестрёнка. – Не для кого не секрет, что она сходит по тебе с ума. Весь вечер смотрела на тебя так, что готова была сожрать. Думаю, сегодня ты можешь пропустить ночку с супругой и пошалить с ней, – Милана захихикала и похлопала меня по плечу.

Оксана шла ко мне виляя округлыми бедрами и обольстительно улыбаясь. Я отпил из второго бокала шампанское, осматривая её с головы до стройных ног.

Что я чувствую видя эту распутницу? Стоит ли мне пропустить ещё одну ночь и пойти к умелой Оксане? Хочу ли я этого?

Олеся сидела на кровати полулежа, согнув ноги в коленях. Её лицо прикрывала книжка, а ночник тускло освещал пространство. Она напряглась, когда дверь за моей спиной захлопнулась, но даже не посмотрела в мою сторону.

Похоже, она решила меня игнорировать. Именно тогда, когда мне до безумства захотелось побыть с ней, услышать её голос, увидеть то, как она осторожно поправляет очки. Новые?

Я едва дождался того времени, когда уйти с вечеринки не было бы верхом неприличия. Терпел общество пристающей кокетничающей Оксаны, всё больше жаждал оказаться здесь, с моей женой. И вот так меня встречает Олеся? Холодным равнодушием?

Я раздевался, внимательно следя за Олесей. Она делала вид, что увлечена чтением, но я видел как она жадно рассматривает меня поверх очков. Для меня не осталось секретом, что ей нравится то, что она видит. С первого дня нравилось.

Когда я остался в одних боксерах, она покраснела и быстро выключила свет, чтобы я не заметил. Отвернулась от меня. Я прижался к ее хрупкой спине чувствуя острое возбуждение, вдохнул её дурманящий запах.

– Я соскучился, – прошептал возле её уха, с удовольствием замечая как ее кожа покрывается мурашками, а Олеся тяжело выдыхает. Мне хотелось касаться её тела как тогда, в первую брачную. В пальцах буквально зудело, а голод стал невыносимым. Мои руки пробрались под белую футболку.

– Видимо, не очень сильно скучал, – раздражённо сказала она, скидывая мои руки. Перевернул её на спину и навис над ней. Мне кажется, или она похорошела? Вопросительно посмотрел на нее.

– Что это значит? Я тебя хочу. Я пришел исполнить супружеские обязанности, – она поморщилась.

– Ты считаешь, что можешь вот так вот заявится через пять дней после нашей брачной ночи? И просто меня взять?

– Да, – и черт возьми, я этого так хочу. Она невесело рассмеялась.

– Так вот. Я сообщу тебе новость. Я не расположена! Почему бы тебе не вернуться туда, где ты все это время был.

– Сейчас я хочу быть здесь, – взбесился. Чего она упрямится? – Я ведь могу и не спрашивая взять!

– Только попробуй! И я перегрызу тебе горло.

Олеся проявила не дюжую силу откинула меня в сторону и пошла к окну, обнимая себя руками.

Я пребывал в растерянности. Бросил на все готовую Оксану, потому что устал бороться с тягой к ней, ехал к ней на максимальной скорости, а она мне отказывает?

– Ты моя жена!

– А ты мой муж! И это не даёт тебе права вести себя как скотина.

Я находился в лёгком шоке. Никто и никогда не говорил мне нет. Тем более это странно услышать от скромной Олеси. Моей жены.

– Ложись спать, – глухо произнес. – Обещаю, что не буду приставать, – Олеся повернулась и внимательно посмотрела на меня. Такая маленькая хрупкая. Даже в этой асексуальной футболке и в безразмерных штанах, она была в тысячу раз привлекательнее полураздетой Оксаны.

Я отодвинулся на самый край и похлопал по кровати рядом с собой.

– Обещаешь?

– Да. Я не такой подонок, как ты думаешь, – Олеся легла на другой край, укуталась в одеяло. А я изнывал от желания. Член буквально дымился. Я залез к ней под одеяло, прижался стояком к попке, чувствуя временное облегчение. Олеся вздрогнула.

– Ты обещал.

– И ничего не будет. Пока сама не захочешь.

Засыпал с надеждой что Олеся не вытерпит и проявит инициативу. Я чувствовал как она возбуждена, как тяжело дышит. Не дождался. Уснул.

Проснулся оттого, что на моих глазах был повязан шарф. Её шарф. Запах проникал в нос, пленял. Я хотел протянуть руки к ней, но они были привязаны. Я замер, старался не дышать не спугнуть, когда резинка боксеров спустилась вниз, освобождая член. И тут же ее губы обхватили головку. Я застонал. Подаваясь вперёд.

Олеся решила изучить мое тело? Что ж. Я вовсе не был против.

Нежный язычок щекотал, облизывал яйца. Она насаживалась ртом до самого горла. Это было очень умело. У меня не осталось шанса. Я кончал нежно повторяя ее имя.

– Олеся.

– Глеб, ты дурак? – голос ее подруги подействовал словно ушат холодной воды. Я разорвал то, чем был привязан к кровати и снял повязку с глаз. Мне не показалось. Возле меня сидела подруга Олеси. Маша. Причем в том самом откровенном белье, что я покупал для жены.

Вновь горящий ночник позволил рассмотреть все детали. Красивое тело, в прозрачном белье и сперму на её губах.

Вот черт! Какой я идиот! Откуда Олеся могла научится такому минету? Я же был первым у нее. А вот ее подружка, об опытности которой я узнал ещё в тайге – да. Та ещё шлюха.

Тогда пришла, наорала на меня, разозлила. Я поимел её только от злости, что отец заставляет меня жениться на Олесе. Мне, в тот момент, казалось отличной местью, что я трахнул ее подругу. Потом, она пришла ко мне в спальню и ушла ни с чем. Я пригрозил ей, что вышвырну её, если она попробует проделать это ещё раз.

И вот. Она проделала. Но я же засыпал с Олесей, чувствовал ее запах от шарфа.

– Да какова хрена? Ты, блять, сделала? – я пребывал в шоке. Неприятное чувство. Словно тебя изнасиловали.

– Минет. Лучший в твоей жизни, – я так думал, потому что был уверен, что это Олеся. – Глеб. Я так скучаю. Каждый день думаю о том волшебстве, что было между нами, – с каждым словом она приближалась ближе.

– Какое, нахрен, волшебство? Я трахнул тебя из злости! – схватил ее за волосы и толкнул на стену. – Я выкину тебя, как обещал! Но перед этим отдам своим дружкам! Грязная шлюха! – Маша смотрела испуганно, а ее подбородок затрясся.

– Я люблю тебя, а ты на меня не смотришь. Тешила лишь одна мысль, что и Олесю избегаешь. Ей всегда доставалось самое лучшее. Дочка альфы, этот дом, шикарная свадьба и ты! Но я же красивая. Я достойна всего этого! У меня тоже чистая кровь. В моей семье только оборотни.

Я отпустил ее. Мне было противно прикасаться к ней. Перед Олесей, она такая верная подруга, которая не бросила её в беде, составила компанию, готова была прислуживать, лишь бы быть вместе. А на самом деле двуличная завистливая тварь.

– Где Олеся?

– Она убежала в лес. Она дикарка! Неделями может проводить в облике волчицы, – меня словно обухом по голове ударило.

– Какой у нее окрас?

– Белый, – в ушах зазвенело. Я рыскал по лесу, с ума сходил, мечтая встретить белую волчицу. А это была моя жена?

За открытым окном послышались шаги. И я впервые в жизни испугался. Я не хотел, чтобы Олеся знала о том, что произошло. Я кинулся убирать следы преступления. Шарф и разорванные веревки, кидая в улыбающуюся Машу халат.

– Проваливай! Завтра вылетишь отсюда.

– Не посмеешь. Если не захочешь, чтобы Олеся видела как ты кайфуешь от моего минета, – с этими словами она схватила телефон с тумбочки и выбежала из комнаты. Она записывала?

Глава 5

Олеся

Пять дней назад

После бурной брачной ночи я проснулась одна. Смотрела в потолок думая о том, что Глеб был сегодня совсем другой. Нежный и ласковый. Он стал моими первым мужчиной и мне хотелось верить, что отношения между нами изменятся. Мне до жжения в груди захотелось, чтобы мы стали настоящими супругами.

Я встала, между ног неприятно жжёт. По привычке надела очки. Картинка нашей смятой постели стала мутной. Я сняла и появилась четкость. Зрение восстановилось так же неожиданно как и пропало. Это было похоже на чудо.

Я поспешила в душ. Нужно привести себя в порядок. Я хочу выглядеть лучше к возвращению Глеба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/lorenc_katya/otdana-chudovischu

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити